

The background of the entire image is a dark blue, almost black, textured surface. It has a grainy, organic quality, resembling a close-up of a rough material or perhaps a microscopic view of a mineral. The texture is uneven, with lighter blue and white specks and fibers scattered throughout, creating a sense of depth and movement. The overall effect is moody and atmospheric.

Ирина Перунова

Белый шарик

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Ирина Перунова

Белый шарик

НП «Центр современной литературы»

2018

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Перунова И.

Белый шарик / И. Перунова — НП «Центр современной литературы», 2018 — (Поэтическая серия «Русского Гулливера»)

ISBN 978-5-91627-213-0

Ирина Перунова родилась в Воркуте. Окончила Литературный институт им А. М. Горького. Стихи публиковались в журналах «Знамя», «Новый мир», «Октябрь», «Воздух», «День и ночь», «Плавучий мост», «Юность», «Новая юность», в антологиях «Русская поэзия. XXI век», «Наше время», «Поэтический атлас России» и др.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-91627-213-0

© Перунова И., 2018
© НП «Центр современной литературы», 2018

Содержание

I	5
«Теряя ключи, забывая пароли...»	5
ВЕСТНИК	6
MADELEINEA LOLITA	7
АРФА	8
МАТЬ	9
«Подставлял Господь дураку плечо...»	10
ГОЛОСА	11
НАТАЛИ	12
«Кучевые заметки и лес...»	13
«Пробита речь молчанием, сквозит...»	14
«— Садись за алгебру, debil...»	15
ФИЛЬМ «АББА»	16
ГАРАЖНАЯ	17
«Во сне ко мне приходит друг...»	18
«Были счастливы...»	19
«Исчезает с рабочего наспех стола...»	20
«Совсем не нужно быть морковью...»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Перунова И. Белый шарик

I

«Теряя ключи, забывая пароли...»

Теряя ключи, забывая пароли,
вперяя вопрос в облака перьевые,
с ремарками вызубрив первые роли,
хотя не предложат и роли вторые,
ни брассом, ни кролем житейское море
смирить не пытаюсь. От качки до качки –
назад отмотав, разгляжу при повторе
себя в бултыханиях смелой собачки.
Она за буйки... Интересное дело,
как будто за брошенной Господом палкой!
Ей тоже в тумане, похоже, белело...
Ни глупой она не казалась, ни жалкой.
Так вот и меня – никогда не пороли,
ни в детстве, ни в смысле обид – переносном.
И не было мне ни покоя, ни воли,
лишь детская вера на свете на взрослом.

ВЕСТНИК

Голубь лазоревый. Может, зелёнкой
выкрасил гулю какой-то балбес?
Что же до зрителей с психикой тонкой,
вне подозрений посланец небес.
Головы к небу задрали подруги,
три неофитки из тех выпускниц
школ благородных девиц кали-юги,
сами диковенней крашенных птиц.

Эта – Фотиния. Светка, короче,
в чём-то закрученно-алом до пят.
Та – в золочёных браслетах сорочьих,
и до бровей помрачительный плат
голубю в тон... подтверди, Вероника!
Я то и вовсе в мужицкой джинсе:
девочка, мальчик? Поди разбери-ка,
вроде пацан, но при длинной косе.

Зыркает голубь на нас непредвзято,
мы, изумлённые – на сизаря.
«Светлое завтра» из кадра изъято,
и, вероятно, изъято не зря.
Чтобы запомнили вспясть ликование,
к матушке Ксении первый визит:
думали, души несём на закланье,
вышло – дешёвенький свой реквизит.
Чтобы заштопали швы девяностых
в памяти нашей и et cetera
окна икон на Васильевский остров,
голубь лазурный над чашей двора.

MADELEINIEA LOLITA

Такая бабочка над ним
крылатый размыкала нимб,
как поцелуй Христа в чело –
такое небо в ней цвело,
что мальчик выгнулся до дна
своих зрачков, и дно двойное
его вело, куда вольно ей.
Мелькнёт – и снова не видна.

Он видел рай. Я вижу ад.
В музее выставленных в ряд
четыре тыщи экземпляров
павлиноглазых фей, икаров...
Сачок-рампетка под стеклом.
Ты им как вид была открыта,
нимфетка, бабочка lolita,
и поздно сожалеть о том.

Лес препарирующих игл
омыт лучами детских игр.
Пыльца на пальцах – кровь почти,
но в старце мальчика почти.
Средь радуг мёртвого эскорта
вне зоны действия сети
прости, прости его, прости!
Смахни с лица морщины чёрта!

АРФА

И внемлет арфе Серафима...

А. С. Пушкин

Тридцатые годы, но время не суть.
По лестнице старую арфу несут
под марши Осавиахима
недюжинных два Серафима.
Петров Серафим
и по правую с ним
вполне себе Кац,
но и он Серафим.
Так звёзды легли и берёзки,
что в паре работают тёзки.

Взывают ли трубы, ревёт грузовик
изнано́чным эхом бравурных музык
у выхода... Дивная, Вы хоть,
внемлите себе, это – выход!
Ваш выход, сударыня!
Да, «запасной».
Вот-вот полыхнёт нашатырной весной
сквозь ваши чехлы и обмотки
от центра Москвы до Чукотки.

В избытке у свежей гармонии нот
на лестничный ваш молчаливый пролёт
в заверенном званье балласта
во славу Екклесиаста.
Труба ли взывает,
гудит ли клаксон,
бесполая Муза, как мальчик-гарсон,
вам двери придержит на Вы и,
не морщась, возьмёт чаевые.

МАТЬ

Пока носила передачи
былая львица сыну Льву,
она походкой старой клячи
обзавелась. Пока молву
топтать не поступью, а шорком
гордыне сношенной пришлось,
глядеть в упор голодным волком
голодный научался лось,
и зайка серенький в лисицу
вселяться заживо, пока
ёж, превращаясь в рукавицу,
утюжил львиные бока.
«Похож на мать, – твердили сыну –
с горбинкой нос и лоб высок!»
И кляча прёт через грязину,
стянув потуже поясок.

«Подставлял Господь дураку плечо...»

Подставлял Господь дураку плечо.
Попривык дурак:
Подавай ещё
высоко сидеть, далеко глядеть!
Уронил – поймай, не чужие ведь.
А уж я Тебе отслужу, Христос,
упрежу Твоих – тише вод – невест.
И пока Господь его в гору нёс,
не спросил дурак:
Где, Господь, Твой крест?

ГОЛОСА

Тысячекратная тьма повторенья
танца теней Саломеи с Иудой.
– Нет!
Ещё Иродова даренья
нет!
Не вернулись посыльные с блюдом,
нож не рождён ещё.
Незачем, нечем,
некому...
Спящий во чреве Предтечей
день не восстал.
– Удались, удали!
Жорж приглашает на вальс Натали.
Нежный румянец прильнул к эполете...
Танец как танец. Дети как дети.

НАТАЛИ

Раз-два-три, раз-два-три...
Разве ты – он!
Смят недоразвитый розы бутон,
смыты румяна, помада, грехи.
Саша, не надо сейчас про стихи!

Раз-два-три, раз-два-три...
Разве он – ты!
Молча меняют бельё и бинты.
Думали жить. Ты возьми, да умри.
Раз-два-три, раз... без пятнадцати три.

Двадцать седьмого январского дня –
ты уезжаешь на бал
без меня.

«Кучевые заметки и лес...»

Кучевые заметки и лес,
оступившийся в небо стокрыло.
Дымовых облаченье завес
наготу листопада сокрыло
от него самого. Немота.
Только шоркает ветер вслепую.
Лета многие или лета? –
тишина отливается в пулю.

«Пробита речь молчанием, сквозит...»

Пробита речь молчанием, сквозит
последнее несказанное слово.
Возможно, это слово-паразит,
от зёрен отлетевшая полова.
Лишённое таланта и ума,
отсутствие без всякого покрова.
Ты погляди –
тома, тома, тома...
И что тебе несказанное слово?

Снегами заплывает окоём
пространства, прикипевшего к засовам.
Там трудники поврозь или вдвоём
всю жизнь свою работают над словом.
Издали, не издали – не вопрос.
От точки доведённые до точки,
роняют миллионы алых роз
отсохшие печатные листочки.

Но ты вберёшь бескровный перегой,
пустой травы крушение и шуршанье,
как обещанье музыки иной,
как пущенное в рост благоуханье.

«– Садись за алгебру, debil...»

– Садись за алгебру, debil!
А мальчик Пушкина любил,
тот за него посуду мыл, не белоручка.

Поручик Юрьич Михаил
ронял соломку вдоль перил,
по коим жизнь съезжала в мир, где злая Жучка.

Там царь зверей, не пив, ни ев,
Толстой на Жучку шикал Лев
и укорял слезинкой детской Достоевский.

И было мальчику легко
скользить за Пушкина и *ко*
на лыжах узких башмаков лыжнёю Невской.

Где оборвалась та лыжня,
не говори, что жизнь фигня –
седой мой мальчик, не зови за стол Иуду.

И я не буду. Визави
присядет тень твоей любви.
Не выключаю за тенью свет, помой посуду.

ФИЛЬМ «АББА»

Сияния полярные. И перпендикулярно им
из кинотеатра «Родина» мы вышли вчетвером.
И на душе не очень нам,
жизнь кажется просроченной:
сажать не стоит дерево,
не стоит строить дом.

Такой фильмец, сияния,
что добрым всем влияниям
на души неокрепшие наметился конец:
Гори ты, школа средняя – и наша и соседняя –
какие школы к лешему, когда такой фильмец!

Зачем ты, наша «Родина», не глупая же вроде, но
на вражескую фильму ту
нам выдала билет?
Там пел квартет заоблачный:
О, «Money, money...» Вона что!
А здесь согласно климату такой музыки нет!

Завод есть винноводочный, три шахты круглосуточных
и мясо-банно-прачечный-молочный комбинат.
А хочется-то – музыки...
Отечество, дай музыки!
Мы девочки, мы музы и
музык нам не хватат.

И тут врубилась музыка! Загадочная музыка,
улыбчивая музыка – сплошной парад планет.
Шары влетели в лузы и развеселились лузеры!
Сто лет как длится музыка,
но вырубился свет.

Ах, если б не сияния на грани выгорания
при переходе качества с количества на мат,
не вспоминали б девочки, что раньше были туточки
три шахты круглосуточных,
завод и комбинат.

ГАРАЖНАЯ

Закрутилась красивая гайка,
да на болтик со сбитой резьбой.
Что стоишь, гражданин? Помогай-ка,
назови это дело судьбой!

Вынимай плоскогубцы и ключик
или что там ещё наизусть,
только пусть эту гайку не глючит,
этот болт не болтается пусть.

Озадачься их склейкой и спайкой,
подбери им секретный пароль,
чтобы болтик тот счастлив был с гайкой
в агрегате «НАМИ – ноль шесть ноль»!

Чтоб леталось тому агрегату
мимо просек и прочих красот,
как по синему морю фрегату,
лет пятьсот.

«Во сне ко мне приходит друг...»

Во сне ко мне приходит друг
предупредить о переезде
и просит выключить утюг,
забытый им на старом месте.
Сам, уверяет, не могу.
Мол, недосуг. И новоселье.
Целуй, мол, ручку утюгу!
Проси его, чтоб не висели
на мне последние счета.
Такая, знаешь, нищета.
И всё же нужно быть людьми! –
даёт мне книгу. Книга жалоб.
– В дорогу почитать возьми...
И к сердцу я её прижала б,
но та, вывёртываясь вдруг,
летит, как на ногу утюг.

«Были счастливы...»

Были счастливы?
Счастливы – были!
В звёздной пыли
и прочей пыли
артефакты порой находили:
скажем, выцветший шарик Земли.

А на нём, вы представьте, коллеги,
Театр Эстрады:
скудельный сосуд
стих читает про белые снега –
будто *идут* они! Не *идут*.

И от этого самого «*идут*»
целый зал заливался слезми...
Грех смеяться. А сами-то вы тут
со своими, друзья, ми-ми-ми –
были счастливы?

В новой вселенной
негатив ототрём добела:
даже кошка в грязи у пельменной
хоть однажды счастливой была.

Всяким счастьям –
большим и не очень –
по-над бездной отыщем закут.
Видно, ключ мой под счастье заточен,
даже если все двери запрут.

«Исчезает с рабочего наспех стола...»

Исчезает с рабочего наспех стола
из немногих любимое фото.
Кем он был для тебя?
Кем ему ты была?
Да ни кем, в самом деле!
Вот то-то.
Что даёт тебе право просить «ни о ком»?
Помолчи! – пустоте отвечаю, –
Будь он трижды со мной на земле не знаком,
а его Воскресения – чаю!

«Совсем не нужно быть морковью...»

Совсем не нужно быть морковью
чтоб видеть тёрку изнутри
и расписаться рыжей кровью
в полнеба почерком зари
«Здесь был Борис».
Для справки: Рыжий.
Проездом в город Уфалей.
А ты борись: морковку выжал,
на треть стакана сливок влей.

Иначе – мигом витамины
из сердца высосут слова.
Он в небе был, там те же мины
по типу «Чёрная вдова».
За каждым облаком «гостинец»,
за каждой терцией минор.
Там выживает пехотинец,
где подрывается минёр.
В порядке бреда обезвредит,
с небесных вынесет полей
одну, другую... и уедет
на третьей – в город Уфалей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.